

В.М. Строев

**Бироновщина и Кабинет министров: очерк
внутренней политики императрицы Анны**

Часть 2. Выпуск 1

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.М. Строев**
Бироновщина и Кабинет министров: очерк внутренней политики императрицы Анны: Часть 2. Выпуск 1 / В.М. Строев –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 81 с.

ISBN 978-5-518-07072-1

ISBN 978-5-518-07072-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Главной причиной того, что я рѣшился разбить свой трудъ на двѣ части, была медленность, съ которой онъ подвигался при массѣ архивнаго матеріала, едва затронутого историками. часть котораго на нѣмецкомъ языкѣ XVIII столѣтія представляетъ для русскаго большія затрудненія... Я разбилъ его произвольно: читатель увидитъ изъ этой части, что вторая половина царствованія Анны Іоанновны во многомъ не походила на первую: одинъ за другимъ сходятъ со сцены три государственныхъ человѣка, которые такъ или иначе вліяли на политику правительства: умираетъ Анисимъ Масловъ, несомнѣнно игравшій большую роль во внутренней политикѣ; умираетъ Левенвольде, представитель интересовъ недавно покореннаго Балтійскаго края, фаворитъ императрицы, пользовавшійся фаворомъ въ интересахъ своихъ земляковъ; наконецъ, умираетъ Ягужинскій, одинъ изъ ветерановъ петровскаго царствованія, заклятый врагъ Остермана. За то восходитъ новое свѣтило въ лицѣ Волынскаго, который нѣкоторое время является чуть не распорядителемъ судебъ государства. Я думаю, что мнѣ удастся доказать, вопреки установившемуся мнѣнію, что кабинетъ министровъ до 1735 года рѣзко отличается отъ этого учрежденія послѣ 1735 года. Это время — время полнаго развитія у насъ того, что принято называть Бироновщиной: внѣшняя война истощаетъ силы государства; внутри разыгрываются кровавыя драмы, жертвами которыхъ становятся Голицынъ, Долгорукіе и погубившій ихъ Волынскій. Традиціонное мнѣніе обвиняетъ во всемъ Бирона, который будто бы стоялъ во главѣ нѣмецкой партіи, но при изученіи документовъ такое представленіе все болѣе и болѣе блѣднѣетъ. Изучая, на примѣръ, безъ предубѣжденія, дѣло Волынскаго

нельзя не придти къ убѣжденію въ томъ, что тогдашнее правительство выдвигало на первый планъ совершенно не тѣ стороны дѣла, которыя выдвигали обыкновенно потомки. На первомъ планѣ стояли вопросъ объ образѣ правленія, династическій интересъ, наконецъ, грандіозныя злоупотребленія по службѣ¹⁾, а вовсе не оскорбленіе временщика — фаворита. Биронъ въ письмѣ къ одному изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ могъ говорить о дѣлѣ Волынскаго совершенно объективно, что оно оказалось важнѣе, чѣмъ думали раньше²⁾. Любопытно отмѣтить, что дѣла, въ которыхъ фигурируетъ имя Бирона, во вторую половину царствованія, какъ мы скажемъ въ свое время, становятся гораздо рѣже, чѣмъ въ первую. Да и въ этихъ дѣлахъ Биронъ, такъ сказать, фигурируетъ между прочимъ въ связи съ общимъ недовольствомъ государственными порядками и лицами, стоявшими наверху. Намъ возразятъ, что тайная канцелярія замалчивала такого рода толки, щадя деликатныя чувства государыни. Мы скажемъ на это, что такого рода стыдливость была совершенно чужда нашимъ предкамъ. Ушаковъ не стѣснялся писать въ экстрактахъ, представлявшихъ государынѣ, толки *en toutes lettres*: «государыня съ оберъ-камергеромъ любитя» или «живетъ тѣлесно», тогда какъ въ официальныхъ актахъ всячески избѣгали малѣйшихъ упоминаній о попыткахъ ограничить верховную власть. Дѣла объ оскорбленіи величества совершенно отступаютъ на второй планъ передъ болѣе важными, въ которыхъ рѣчь идетъ о престолонаслѣдіи или объ ограниченіи самодержавія. Въ одномъ изъ дѣлъ, касавшихся оскорбленія величества, правительство нашло даже возможнымъ ограничиться присягой сторонъ³⁾.

Разказы о томъ, будто бы Биронъ стремился возвести свой родъ на русскій престолъ, исходили изъ лагеря сторонниковъ цесаревны Елизаветы и не выдерживаютъ никакой критики. По признанію Волынскаго, ему сообщилъ это Лестокъ, человекъ съ крайне по-

1) Вѣдь былъ же казнень за такого рода злоупотребленія въ 1736 г. иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ. въ слѣдствіи по дѣлу котораго участвовалъ тотъ же Волынскій.

2) «Des Wolinski Procès ist serieuser geworden, wie man anfänglich geglaubt hätte». Письмо Бирона къ ген. Бисмарку 24-го мая 1740 г. (гос. арх., разр. XI, № 560)

3) Дѣло Давыдова, на котораго донесъ В. К. Татищевъ (гос. арх., разр. VII, № 611).

кладистой совѣстью ¹⁾. Въ связи съ вопросомъ о престолонаслѣдіи находится естественное охлажденіе императрицы Анны къ Елизаветѣ. Нельзя отвергать, какъ совершенно неосновательныя, сообщенія несомнѣнно освѣдомленнаго англійскаго дипломата о томъ, что Биронъ тѣмъ не менѣе оказалъ въ это время услуги цесаревнѣ. Его отзывъ о Биронѣ значительно объясняетъ, что открыло послѣднему путь къ регентству: «За все царствованіе покойной Государыни, когда великая княжна Елизавета Петровна была какъ бы въ загонѣ, его свѣтлость всегда оказывалъ ей посильныя услуги. Теперь онъ, повидимому, всячески старается привлечь ее на свою сторону, зная, что она очень популярна и любима какъ вслѣдствіе личныхъ качествъ, такъ и по воспоминанію объ ея отцѣ, Петрѣ I-мъ... Его вообще любятъ, такъ какъ онъ оказалъ добро множеству лицъ, зло же отъ него видѣли очень немногіе, да и тѣ могутъ пожаловаться развѣ на его грубость, на его рѣзкій характеръ, который французы называютъ «brusque». Впрочемъ и эта рѣзкость проявляется только внезапными вспышками, всегда кратковременными; къ тому же герцогъ никогда не былъ злопамятенъ» ²⁾. Вообще иностранцы свидѣтели сходятся на томъ, что Биронъ искалъ популярности въ русскомъ обществѣ ³⁾. Въ своемъ мѣстѣ мы докажемъ, что онъ былъ обязанъ регентствомъ именно русскимъ: генераль-прокуроръ кн. Трубецкой, кн. Куракинъ, гр. Головинъ, гр. М. Головкинъ и въ особенности Бестужевъ-Рюминъ, — вотъ партія, стремившаяся къ этому! Биронъ самъ колебался: иначе зачѣмъ ему было выговорить себѣ право во всякое время сложить съ себя обязанности регента и уѣхать въ Курляндію. Нѣмцы: Остерманъ, Мнинъ и Левенвольде высказались по-неволѣ въ его пользу, будучи къ тому вызваны Бестужевымъ-Рюминымъ. Русскіе вельможи преслѣдовали не исключительно своекорыстныя цѣли: ихъ пугала возможность правленія герцога Брауншвейгскаго и, въ особенности, герцога Мекленбургскаго, которые были несравненно болѣе нежелательны, нежели Биронъ. Сдѣлавшись регентомъ, послѣдній велъ себя какъ добросовѣстный правитель. Наряду съ этимъ Биронъ имѣлъ

1) Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія письмо Бирона къ Кейзерлингу 29-го декабря 1737 г. (сб. Имп. ист. общ., т. 33, стр. 499 и слѣд.).

2) Сб. Имп. ист. общ., т. 85, стр. 338 и 339.

3) См., напр., тамъ же, т. 86, стр. 124.

одну серьезную слабость: онъ легко подчинялся вліянію людей. его окружающихъ; иногда это были такіе достойные люди какъ Масловъ, — а иногда интриганы вродѣ Бестужева-Рюмина, для которыхъ онъ всегда могъ служить громоотводомъ. Это замѣтилъ еще хорошо знавшій Бирона герцогъ де Лиріа: «онъ позволялъ другимъ управлять собою до того, что не могъ отличить дурныхъ совѣтовъ отъ хорошихъ»¹⁾. Какъ мы увидимъ по подлиннымъ документамъ, этимъ объясняется его покровительство такому проходимцу, какъ баронъ Шембергъ. Любопытно, что послѣдняго поддерживалъ не Остерманъ, а Волынской,²⁾ котораго Шембергъ болѣе всѣхъ побуждалъ подать государынѣ его извѣстную записку о козняхъ, бывающихъ при дворахъ, направленную противъ Остермана. Переписка Бирона съ Шембергомъ была взята Минихомъ при арестѣ герцога и казалось могла бы компрометировать послѣдняго. Между тѣмъ Шембергъ во всѣхъ своихъ письмахъ къ нему говоритъ только о пользѣ своихъ предпріятій для государства и ни слова о личной выгодѣ временщика³⁾. Биронъ поручился за него явно⁴⁾. Едва ли бы герцогъ сдѣлалъ это, если бы онъ участвовалъ въ прибыли Шемберга: онъ обдѣлалъ бы это дѣло какъ-нибудь иначе, благодаря своей близости къ государынѣ. Сообщенія гр. М. Головкина и въ особенности Татищева болѣе чѣмъ сомнительны: первый хотѣлъ искупить свою старую угодливость передъ временщикомъ, а второй выливалъ желчь, которая накопилась у него за царствованіе Анны.

1) Юсуповская рукопись, теперь напечатанная въ «Русскомъ архивѣ» за 1909 г., кн. 3, стр. 402.

2) Вопреки утвержденіямъ проф. Фирсова въ его книгѣ: «Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ю половину XVIII в.», Казань, 1896 г.

3) Гос. арх., разр. XIX, № 73

4) Вотъ это поручительство: «Божіею милостію мы, Эрнстъ-Іоаннъ, герцогъ и пр. объявляемъ во извѣстіе, что, понеже, по всемилостивѣйшему ея и. в. указу, состоявшемуся сего іюня 16 дня, повелѣно генералу-бергъ-директору фонъ Шембергу, по представленію его и обѣщаннымъ кондиціямъ, отдать казенное желѣзо, а онъ во исправной заплатѣ долженъ по себѣ поставить поруку, того ради мы, по прошенію его, склонились въ томъ по немъ быть порукою, что онъ генераль-бергъ-директоръ фонъ Шембергъ за оное ему отдаваемое желѣзо отъ пяти до шести сотъ тысячъ пудъ по договорной цѣнѣ по 58 коп. пудъ исправно заплатитъ въ казну ея императорскаго величества деньги; во свидѣтельство того мы сіе своеручно подписали и нашею княжескою печатью подтвердить повелѣли въ С.-Петербургѣ іюня 22 дня 1739 года» (копія съ перевода, гос. арх., разр. XIX, № 82, л. 32).

Отмѣчу еще любопытную черту: Бирона обыкновенно дѣлають отвѣтственнымъ за роскошь Аннинскаго царствованія; между тѣмъ его первымъ дѣломъ, какъ регента, былъ законъ, ограничивавшій при дворѣ роскошь ¹⁾).

На этомъ пока я остановлюсь и перейду къ разрѣшенію разныхъ вопросовъ, вызванныхъ у меня бесѣдами съ лицами, занимавшимися этой эпохой. Какъ на доказательство господства у насъ иностранцевъ при Аннѣ Иоанновнѣ обыкновенно указываютъ на современные свидѣтельства о томъ, что первоначально офицерами Измайловскаго полка состояли исключительно лифляндцы и другіе нѣмцы. Всѣ эти свидѣтельства приведены у г. Панчулидзева въ его «Исторіи Кавалергардовъ» (томъ I, стр. 218, примѣчаніе). Последнее объясняется, конечно, тѣмъ, что во главѣ полка стоялъ лифляндецъ Левенвольде, естественно, тянувшій своихъ земляковъ. Однако одинъ Левенвольде еще не цѣлая нѣмецкая партія. Что лифляндецъ преслѣдовалъ интересы своей родины, — этого конечно отрицать нельзя, но, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, его вліянію противодѣйствовалъ другой нѣмецъ—Остерманъ. Однако, нужно замѣтить, что Измайловскій полкъ былъ совсѣмъ на особомъ положеніи, на что указываетъ Манштейнъ ²⁾: онъ долженъ былъ бороться съ мятежемъ противъ новаго правительства, если бы таковой вспыхнулъ, что вполнѣ понятно ввиду исключительныхъ условій, при которыхъ вступила на престолъ Анна. Съ этой цѣлью и нижніе чины Измайловскаго полка были набраны не изъ великороссовъ, а изъ украинцевъ, какъ утверждаетъ Минихъ—сынъ ³⁾. Развѣ не также поступали всѣ правительства Западной Европы, чувствовавшія подъ собою недостаточно твердую почву? Довольно вспомнить знаменитыхъ швейцарцевъ Людовика XVI. Если ужъ можно говорить о нѣмецкомъ вліяніи при Аннѣ, то именно въ первую половину царствованія: лучше всего это видно изъ такого факта: во время фавора Левенвольде, тяготѣвшаго къ Пруссіи, императрица посылала гренадеровъ прусскому королю; если Биронъ и содѣйствовалъ этому, то, вѣрнѣе всего, только исполняя волю Анны, такъ какъ самъ никогда не былъ расположенъ къ Пруссіи. Когда его

1) Сб. Имп. ист. общ., т. 92, стр. 51.

2) «Записки Манштейна о Россіи», Спб., 1875 г., стр. 33.

3) «Записки графа Миниха, сына фельдмаршала», Спб., 1817, стр. 48.

вляніе достигло зенита, эта позорная дань, какъ мы видѣли, прекратилась.

Проф. И. А. Линниченко указалъ мнѣ въ письмѣ на то, что мое мнѣніе о томъ, что Анна, вопреки показанію Миниха, занималась дѣлами, мало обосновано, такъ какъ я самъ говорю, что ея резолюціи обыкновенно писаны секретаремъ. Но я указывалъ, что замѣтки на поляхъ дѣлъ обыкновенно сдѣланы ею самою. Къ тому же ея резолюціи совершенно не носятъ канцелярскаго характера; видно, что онѣ записаны подъ ея диктовку, вслѣдствіе чего отличаются крайней нестройностью изложенія и часто массой ненужныхъ подробностей и тавтологіей. Языкъ ихъ нисколько не напоминаетъ ни сжатое дѣловое изложеніе Остермана, ни изобилующее нѣмецкими оборотами Бирона.

В. И. Семеvскій, прочитавъ мою книгу, поставилъ мнѣ на видъ, что я недостаточно обратилъ вниманіе на свидѣтельство Болтина о доимочномъ приказѣ, которое я имѣлъ намѣреніе рассмотреть въ своемъ мѣстѣ, говоря о томъ, какъ сложилась легенда о Биронѣ. Впрочемъ я въ первой части достаточно рассмотрѣлъ утвержденіе Болтина о томъ, будто бы доимочный приказъ былъ созданіемъ Бирона, только не называя по имени свидѣтеля. Однако, ввиду того значенія, какое придавалъ свидѣтельству Болтина почтенный ученый, я считаю своимъ долгомъ нѣсколько остановиться здѣсь отдѣльно на свидѣтельствѣ этого автора. Последнее я отношу безусловно къ тѣмъ, которыя я назвалъ въ первой части мутными: Болтинъ родился въ 1735 г. и слѣдовательно не могъ ни въ какомъ случаѣ писать о царствованіи Анны по личнымъ воспоминаніямъ. Между тѣмъ онъ не называетъ своихъ источниковъ. Я нарочно приведу здѣсь цѣликомъ его свидѣтельство, чтобы показать насколько оно шатко: «При вступленіи на Всероссійскій Престолъ Императрицы Анны, было государственныхъ податей въ недоимкѣ нѣсколько милліоновъ. Биронъ, примысливъ сими деньгами безъ огласки воспользоваться, коварно Императрицѣ представилъ, чтобъ ту недоимку собрать особно, не мѣшая съ прочими государственными доходами. Послѣдовало повелѣніе учредить особья для сего Правленія подъ именемъ Доимочнаго Приказа и Секретной Казенной (?),¹⁾ и первому дана великая власть. Посредствомъ всевоз-

1) Не понятно, на какое учрежденіе указываетъ авторъ.

возможныхъ понужденій, взыскано недоимки, въ первой годъ, болѣе половины, да на платежъ процентовъ немалая сумма. А какъ за взысканіемъ недоимки, настоящихъ податей нашлись многіе заплатить не въ силахъ, то и сіи, по прошествіи года, причислены къ прежней же недоимкѣ, въ вѣдомство тогожь Донмочнаго Приказа. И такъ каждой годъ доходы въ Приказъ сей прибавлялися; а онъ взыскивая отсылалъ въ Секретную казну, гдѣ кромѣ Казначея, о числѣ денегъ никто не вѣдалъ, и какъ о приходѣ такъ и о расходѣ объявлять подь смертною казнію было запрещено. Большою частію казны сея воспользовался Биронъ; однакожь такъ искусно, что ниже имени его во взятѣхъ не воспоминается: но всѣ писаны въ расходъ на Особу Ея Императорскаго Величества. Между тѣмъ годовыя подати, расположенныя на содержаніе арміи, явились недостаточны: принужденъ былъ Сенатъ, лошадей и провіантъ для арміи, сверхъ настоящаго оклада, на крестьянъ раскладывать, и новую тягость на бремена ихъ возлагать. Сею хитростью доставилъ себѣ Биронъ многіе милліоны рублей, а государство въ конецъ разорилъ. Недоимка взыскивана была съ крайнею строгостію и безъ малѣйшаго щадѣнія; отъ чего нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ, изъ пограничныхъ провинцій, за границы разбѣжались, и множество селеній остались пусты»¹⁾. Почему же въ дѣлахъ соляной конторы всѣ выдачи Бирону и его семьѣ, довольно многочисленныя, нисколько не скрываются и пишутся отдѣльно отъ суммъ, отпущенныхъ въ расходъ на особу ея величества²⁾? Всякій непредубежденный читатель видитъ, насколько утвержденія Болтина голословны: онъ не можетъ привести рѣшительно никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, будто бы деньги эти присвоилъ Биронъ; достаточно вспомнить цѣль книги Болтина, являвшейся апологіей Россіи на Западѣ, чтобы понять, какъ осторожно нужно относиться къ словамъ такого автора объ иностранцахъ! Свидѣтельство Болтина повторяли Вейдемейеръ и другіе писатели.

1) Болтина, «Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка», т. II, стр. 326.

2) Гос. арх., разр. XIX, № 182, ч. 1-ая. Самымъ крупнымъ пожалованьемъ герцогу были 500000 руб., по случаю мира съ Турціей; по его показаніямъ на судѣ, изъ нихъ онъ получилъ только 100000 руб., что подтверждается документально; тамъ же: «августа 2-го, 1740 г., о выдачѣ бывшему герцогу Курляндскому *въ счетъ пожалованной* ему суммы 100000 руб.»... Это, конечно, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что получали фавориты Елизаветы и Екатерины II!

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о томъ, почему я приписалъ Ягужинскому проекты, находящіеся въ бумагахъ Бирона. Нѣкоторыя части второго изъ этихъ проектовъ были впоследствии осуществлены, какъ, напр., контрастировка кабинетъ-министрами актовъ, представляемыхъ на высочайшее усмотрѣніе и учрежденіе должности тайнаго кабинетъ-секретаря. Какъ намъ придется говорить въ своемъ мѣстѣ. высочайшее повелѣніе о первой было объявлено кабинетъ-министрамъ Волынскимъ, а назначенный тайнымъ кабинетъ-секретаремъ Эйхлеръ былъ ближайшимъ другомъ Волынскаго; поэтому можно было бы думать, что эти проекты составлены Волынскимъ. Противъ этого однако можно возразить: 1) въ то время, когда были составлены эти проекты, Волынскій былъ близокъ къ сопернику Бирона Левенвольде, а съ Бирономъ у него были только оффиціальныя отношенія; сближеніе между ними произошло позже; 2) Волынскій писалъ письма къ Бирону обыкновенно по русски, такъ какъ никогда не зналъ нѣмецкаго языка; 3) Волынскій въ своемъ проектѣ, который онъ составилъ впоследствии, хотѣлъ совершенно упразднить кабинетъ и усилить сенатъ и находилъ даже должность генераль-прокурора лишней. такъ какъ она стѣсняла сенатъ. Между тѣмъ въ обоихъ проектахъ сенату отведена довольно скромная роль. Поэтому авторомъ ихъ могъ быть только или Ягужинскій или Масловъ. Оба они относились критически къ тогдашнему сенату: Павинъ въ своемъ извѣстномъ проектѣ обвинялъ Ягужинскаго въ томъ, что онъ стѣснялъ дѣятельность сената, а Масловъ постоянно жаловался государынѣ на абсентеизмъ сенаторовъ¹⁾. Какъ говорилъ проф. Филипповъ въ разговорѣ со мной, весьма возможно, что Биронъ имѣлъ въ виду самъ со своими сателлитами занять мѣста въ кабинетѣ (вѣрнѣе всего съ Ягужинскимъ и Масловымъ). Минихъ не могъ быть авторомъ проектовъ, такъ какъ съ одной стороны онъ въ это время былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Бирономъ,²⁾ а съ другой самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что по незнакомству со внутренними дѣлами воздерживался въ это время отъ участія въ нихъ³⁾.

1) Соловьевъ «Исторія Россіи съ древн. временъ», изданіе второе, кн. четвертая, стр. 1416, 1417.

2) См. «Записки гр. Миниха, сына фельдмаршала», Спб., 1817.

3) «Ebauche», с. 39.

Вопросъ о значеніи Бироновицны въ нашей исторіи интересуетъ меня очень давно: въ историческомъ селѣ кн. Юсуповыхъ Архангельскомъ, нѣкогда принадлежавшемъ знаменитому кн. Д. М. Голицыну, а затѣмъ И. Остерману — сыну, еще гимназистомъ я послѣ «Ледяного дома» прочелъ превосходную статью Карновича о Бироновицнѣ въ Отеч. запискахъ и мечталъ со временемъ заняться самъ этимъ вопросомъ въ архивахъ. Какъ сейчасъ помню, — я лежалъ съ книгой у памятника А. И. Остермана, находящагося у шоссеиной дороги въ село Ильинское; отъ него открывался чудный видъ на Москву — рѣку; солнце заходило... вокругъ не было ни души... Много утекло воды, а этотъ вечеръ я помню, какъ будто онъ былъ вчера!.. У памятника великаго историческаго дѣятеля былъ задуманъ этотъ трудъ. Мнѣ пришлось познакомиться съ бѣльшимъ количествомъ историческаго матеріала, нежели Карновичу, но мои изслѣдованія только подтвердили его мысли.

Посвящаю этотъ трудъ тому, кому я обязанъ тѣмъ, что получилъ возможность заниматься моимъ любимымъ предметомъ — русской исторіей, занятія которой давали мнѣ нравственную поддержку въ моей полной волненій и тревожной жизни... Тебѣ, нынѣ стоящій предъ Богомъ, незабвенный Николай Федоровичъ, другъ всѣхъ начинающихъ ученыхъ!... Лишившись тебя, дорогой мой старшій другъ-руководитель, я утѣшаюсь словами поэта:

«Не говори съ тоской ихъ нѣтъ,
«Но съ благодарностію были!...»
Миръ твоему святому праху!...

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою сердечную признательность академику А. А. Шахматову, которому я обязанъ возможностью печатать свой трудъ въ типографіи Императорской академіи наукъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскому, П. Я. Дашкову; указанія которыхъ всегда драгоценны для начинающихъ ученыхъ, гр. Ф. Ф. Сумарокову-Эльстону кн. Юсупову, допустившему меня въ свою архангельскую бібліотеку, завѣдующему рукописнымъ отдѣломъ Императорской публичной бібліотеки И. А. Бычкову, директору государственнаго архива С. М. Горяинову, старшему хранителю Императорскаго Эрмитажа бар. А. Е. Фелькерзаму,

старшему архивариусу общаго архива министерства Императорскаго двора А. М. Корчевскому, старшимъ дѣлопроизводителемъ: государственнаго архива — Я. Л. Барскову и московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ — С. А. Бѣлокурову, инспектору архива сената И. А. Блинову и моимъ друзьямъ: В. И. Семевскому, проф. А. Н. Филиппову, Н. А. Мурзанову, А. А. Привалову и С. А. Князькову. Проф. Филипповъ едва ли не болѣе всѣхъ содѣйствовалъ изученію этой эпохи, напечатавъ колоссальное количество бумагъ кабинета министровъ. Къ сожалѣнію, этотъ выпускъ былъ уже готовъ, когда я получилъ изданный имъ 130-й томъ сборника Императорскаго историческаго общества, такъ что я не могъ принять его во вниманіе.

В. Строевъ.

С.-Петербургъ. 21 января 1910 г
